

О НАСЛЕДСТВЕ РУССКОЙ НАУКИ ПО ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

Проф. А. Мишулин

Великий русский народ в прошлом, как и в настоящем,—является создателем замечательной культуры, творцом величайших достижений человечества. Русский народ выдвинул ряд великих ученых. Он дал мировой культуре в области различных наук, литературы и искусства имена, которые навсегда вошли в пантеон бессмертных, благородных борцов за науку, за силу и мощь человеческого знания.

«Есть две нации в каждой современной нации,—писал Ленин в своих «Критических заметках по национальному вопросу».—Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве,—но есть также великорусская культура, характеризующаяся именами Чернышевского и Плеханова» (В. И. Ленин, Собр. соч., т. XVII, стр. 143):

Русский народ по праву может гордиться своим прошлым, своей «великорусской культурой Чернышевского и Плеханова». Крестьянский сын Ломоносов—великий преобразователь русского языка, знаменитый математик Лобачевский, поднявшийся к вершинам своей науки, изобретатель радио Попов, возвестивший миру первым об этом интересном открытии, гениальный физиолог Павлов, знаменитый химик Менделеев, патриарх русской агрономии—ученый и революционер Тимирязев и много других блестящих русских ученых—плоть от плоти и кость от кости великого русского народа.

Русский народ сумел показать еще в самом отдаленном прошлом примеры преданной любви к свободе, любви к своей родине, ее независимости. Русскому народу приходилось бороться с многочисленными врагами, посягавшими на целостность и независимость его родины, и в этой борьбе выдвинулась целая плеяда замечательных борцов, искусных полководцев, прекрасных мастеров военного дела. Деятельность Александра Невского, Минина и Пожарского, Суворова, Кутузова—навсегда вошла в историю русского народа, как славные страницы борьбы за независимость своей родины.

Русская классическая литература может гордиться тем, что она в результате долгого исторического развития завоевала первое место среди образцов мировой литературы. Шедевры произведений Пушкина, Гоголя, Толстого и Горького оказали безусловное влияние на мировую литературу.

Русский народный гений давно начал проявлять себя в различных областях искусства. Только теперь, после свержения самодержавия, капитали-

стического гнета, народы Советского Союза получили возможность оценить великих мастеров русской музыки—Глинку, Чайковского, Мусоргского и др. Только теперь, в социалистическом строительстве СССР, в развитии культурной революции во всех республиках Советского Союза, в подлинном блеске и неувядаемой славе встают перед народами нашей страны великие русские мастера живописи, архитектуры и т. д. Живописцы Васнецов, Суриков незабываемо отобразили народные картины русской жизни. Первый русский архитектор Баженов основал кремлевскую школу архитекторов, создал целое поколение мастеров архитектуры, увековечивших себя в лучших памятниках русского зодчества, первым перевел на русский язык классический канон античной архитектуры, трактат Витрувия.

«Радостно, до безумной гордости,—писал Горький,—волнует не только обилие талантов, рожденных Россией в XIX веке, но и поражающее разнообразие их... Но мы имеем право гордиться разнообразием фактически прекрасного горения русской души»...

Высокие достижения русской культуры в прошлом, героические революционные традиции русского народа сумел сохранить рабочий класс, победоносно выступивший в октябре 1917 г. и ныне приумножающий завоевания русского народа в социалистическом строительстве СССР.

Ленин в своей статье «О национальной гордости великороссов» писал: «Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы ее трудящиеся массы (т. е. 9/10 ее населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов... Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация тоже создала революционный класс, тоже доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм»... (В. И. Ленин, Собр. соч., т. XVIII, стр. 81). Ленин прекрасно знал свой народ, его культуру, революционные традиции русского пролетариата и высоко их ценил. Ленин гордился великими русскими учеными, революционными общественными деятелями прошлого, боровшимися против насилий царизма. «Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великороссов, что эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 г. могучую революционную партию»... (В. И. Ленин, Собр. соч., т. XVIII, стр. 81).

Вершиной развития русской культуры, славных революционных традиций русского народа явилась Октябрьская социалистическая революция, совершенная трудящимися нашей страны во главе с гениальным сыном русского народа—Владимиром Ильичом Лениным. Вместе со своим соратником и учеником Иосифом Виссарионовичем Сталиным Ленин повел беспощадную борьбу с русским самодержавием, создал партию большевиков и организовал под знаменем Маркса и Энгельса борьбу народов нашей страны за диктатуру пролетариата. Воспитанные на лучших, революционных традициях русского народа и его культуры Ленин и Сталин открыли великую социалистическую эпоху, стали знаменем мирового пролетариата и обеспечили гению русского народа свободное и радостное творчество.

Поистине сбылись пророческие слова Ленина о том, что «великой будет социалистическая роль великорусского пролетариата, как главного двигателя коммунистической революции» (В. И. Ленин, Собр. соч., т. XVIII, стр. 83).

*

Русская наука, литература, искусство дали блестящие образцы для творческой деятельности всех народов нашей страны. Этим объясняется величайшая тяга народов СССР к изучению русского языка, всех достижений русской культуры в ее прошлом и настоящем. И, с другой стороны, сам русский народ развивает свою творческую деятельность, пользуясь теми богатыми источниками, которые скрыты в национальных по форме, социалистических по содержанию культурах советских народов.

Передовая роль культуры первого среди равных русского народа обязывает все народы нашей страны изучать ее историю, достижения ее культуры в области науки, искусства и т. д. В изучении достижений русской культуры в прошлом особое место занимает русская историческая наука XIX в. Изучение прошлого нашей страны, исследования по всеобщей истории выдвинули ряд таких ученых в русской науке, которые дали весьма много интересного и ценного для развития исторического знания в России XIX и начала XX в. И советский историк, разрабатывающий ныне прошлое своей родины, историю человечества в древности, в эпоху средневековья и новое время с подлинно-научной, марксистской точки зрения, должен знать своих предшественников, весь подготовительный период русской исторической науки, прежде чем она встала на путь марксистского исследования. Маркс придавал большое значение изучению предшествующей историографии и в своей научной полемике часто ссылался на труды известных буржуазных историков, а иногда прямо указывал своим критикам на необходимость «познакомиться с буржуазной литературой». В особенности это указание Маркса относилось к изучению французских историков конца XVIII и начала XIX в., поскольку таким историкам, как Тьерри, Гизо и др., удалось еще до Маркса «выяснить себе прошлую историю классов». «Что касается меня,—говорит Маркс,—то мне не принадлежит ни заслуга открытия классов в современном обществе, ни заслуга открытия их борьбы между собою. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы, а буржуазные экономисты—экономическую анатомию классов» (письмо к Вейдемайеру от 5 марта 1852 г., см. Маркс и Энгельс, «Письма», под ред. В. В. Адоратского). О том, что Маркс стоял на «прочном фундаменте человеческих знаний, завоеванных при капитализме», писал также Ленин, обращая внимание молодежи на изучение всех достижений капиталистической культуры, которые используются и должны быть использованы в социалистическом строительстве СССР.

Не приходится говорить, что вышеприведенные указания Маркса и Ленина имеют большое значение в применении к буржуазной историографии, давшей для гениальной аналитической и синтетической работы основоположников марксизма-ленинизма большой систематизированный фактический материал.

Русская наука с начала XIX в. находилась под большим воздействием передовых идей Запада, в частности французских историков. Несмотря на отсталость исторического знания в царской России, формирование буржуазной исторической науки проходило быстрым темпом, и рано выдвинулся ряд таких историков, которые приобрели известность не только в России, но и за ее пределами. Имена Татищева, Карамзина, Грановского, Соловьева, Ключевского знает каждый советский интеллигент, как имена ученых, положивших немало труда, энергии и знания для систематизации

материала, разработки и публикации его в своих многотомных трудах по истории нашей страны. Какое значение имеют эти ученые в деле создания русской исторической науки, хорошо говорит их место в русской историографии, в развитии которой они явились в известной степени даже веками.

Наша страна недавно отмечала 125-летие со дня рождения известного, вошедшего в русскую историографию, профессора истории Московского университета Т. Н. Грановского. Научная общественность и советская печать отметили память этого представителя русской исторической науки половины XIX в., потому что передовые идеи этого ученого историка немало способствовали сдвигу науки в отсталой царской России.

Т. Н. Грановский, как историк, формировался под воздействием идей французских историков, труды которых он столь усердно штудировал и использовал в своих широких по построению работах. Особенно сильно на Грановском сказывается влияние О. Тьерри, который, как уже было замечено Марксом, ставил для исторического исследования проблемы социальной борьбы, развития классов.

Для Грановского было понятно развитие Запада, он не находил ничего особенного и в том, что в России начал развиваться пролетариат. Аналогиями древности и современности Грановский хотел показать закономерность этого явления, что для России 50-х годов звучало даже революционно. «В пролетариате—говорил Грановский,—защитники старины видят нечто доселе небывалое», «однако они находятся,—продолжал Грановский,—в странном, может быть, в добровольном заблуждении. На тех путях развития, которыми шли все исторические общества, за исключением патриархальных государств Востока, нельзя было избежать пролетариата». «А теперь,—писал Грановский в другом месте,—через две тысячи лет, за пределами древнего мира поднялись вопросы, над решением которых потратили столько сил Фламинии, Сципионы, Катоны и Гракхи».

Свежестью постановки вопросов, формулировкой новых проблем для исторического исследования Грановский толкал русскую науку вперед, приближал ее к передовым общественным запросам. «Щековая, гордая своею исключительностью наука не вправе рассчитывать на сочувствие». «Сухое, не приложенное к пользе общества знание в наше время не высоко ценится». Передовые идеи Грановского, подобно передовым идеям французских историков, возбуждали историческое знание, формировали интерес к истории и создавали постепенно научные основы для исторического исследования в области древней, средней и новой истории. Недаром сам Грановский писал по всем разделам всеобщей истории. Россия, вступавшая на путь капиталистического развития, создавала и свою, передовую для того времени, историческую науку.

Остановимся кратко на процессе формирования русской науки по древней истории, на достижениях буржуазной науки XIX в. в области древней истории России, античных колоний Причерноморья, истории Востока и греко-римского мира.

Изучение древней истории в России было связано, главным образом, со с л а в я н о в е д е н и е м и в и з а н т и н о в е д е н и е м. Начало изучению истории славян—в связи с русской историей—и русско-византийских отношений было положено еще со времени Петра; оно было усилено с момента учреждения Академии наук и дало уже положительные результаты в XIX в.

Так как исследование древней истории России нельзя было оторвать от общей истории славян, а также Византии, культура которой создавалась в значительной степени в результате синтеза славянского и греческого миров,—то и все первые работы в интересующей нас области были посвящены славяноведению и византиноведению. Первые академики, немцы по происхождению, Байер, Миллер, Шлецер и Штриттер занимались проблемами «Происхождения народа и имени Российского» (М и л л е р в 1749 г.), варягов и их роли в образовании Руси (Б а й е р в 1725 г.), о русских летописях (Ш л е ц е р в 1809—1815 гг.), об исторических сведениях о древних славянах и других народах России по данным византийских историков (Ш т р и т т е р в 1779 г.). С этими именами было связано начало собирания материала, критической его проверки, подготовки для исторического исследования древностей российских. В этот детский период русской исторической науки нельзя было, конечно, ожидать широко продуманных исторических построений, установления правильной исторической перспективы в деле изучения древней истории России. Те немногие выводы, которые делались этими приглашенными в Академию наук из Германии учеными, были неправильными и вызвали позднее целую научную полемику со стороны русских ученых. Немецкие академики создали норманскую теорию происхождения Русского государства от варягов, оказавшую влияние на Карамзина и на более поздних историков. Однако еще во времена Ломоносова норманская теория была встречена в штыки и с тех пор подвергалась критике со стороны виднейших русских ученых. Ломоносов прямо говорил о норманской теории происхождения Русского государства, что она не только является плодом поспешного умозаключения, но и «предосудительной и оскорблением российской славы». Великий русский энциклопедист, занимавшийся самыми различными науками, обратился и к области истории, чтобы выступить против варяжской теории происхождения своей родины, против придания отдельному эпизоду варяжского завоевания столь большого значения в исторических судьбах нашей страны.

Известно, что норманская точка зрения господствовала в царской России, но та сила, с которой против этой теории выступили известные русские ученые—Татищев, Венелин, Каченовский, Максимович, вплоть до Иловайского,—заставила, в конце концов, норманистов ограничиться в своих выводах. Научная полемика, которая происходила в 60-х годах прошлого столетия по данной проблеме, должна быть в известной степени учтена в трудах столпов русской историографии—С. М. Соловьева и В. О. Ключевского.

Необходимо отметить положительную роль и тех русских ученых, которые много энергии и знаний положили на изучение славянских древностей, памятников письменности древней Руси, археологических данных по русской истории. В 1804 г. основывается «Московское Общество Истории и Древностей Российских», председателем которого становится профессор Московского университета Х. А. Чеботарев. В 1811 г. при Московском университете впервые учреждается кафедра славянского языка, которая кладет основу научного славяноведения и исследования литератур—русской, украинской, чешской, сербской и т. д. На этой основе изучения древней письменности создается славянская палеография (М. Т. К а ч е н о в с к и й, 1816 г.), издается ряд исследований: о славянской мифологии (А. С. К а й с а р о в, 1810 г.), о быте и общественном строе древних славян, болгар в особенности (Ю. И. В е н е л и н,

1829, 1841 гг.), о славянской поэзии (О. М. Б о д я н с к и й, 1837 г.) и литературе (И. И. С р е з н е в с к и й, 1834—1844 гг.), о народах юга России в древности и о русско-византийских отношениях (В. Г. В а с и л ь е в с к и й, см. собр. соч.) и ряд других исследований, которые здесь нет места перечислять. Славяноведение было молодой, тогда передовой наукой. Изучение славяноведения было неотделимо от древнерусской истории и выражало собою симпатии передовой интеллигенции того времени к изучению «славянского мира», славянского общинного быта, который противопоставлялся разлагающему влиянию капитализма Запада. В изучении славяноведения были сделаны такие успехи, что в 1821 г. декабрист Кюхельбекер мог читать в Париже лекции о славянских литературах и языке. Декабрист А. И. Одоевский также отдал себя изучению славяноведения. Первые уже достижения русской науки становились достоянием исторического знания в науке Запада.

Достижения по славяноведению являются блестящей страницей русской науки, несмотря на некоторые попытки представителей «квасного патриотизма» превратить эту дисциплину в оплот реакционных идей и националистической пропаганды.

Русская наука о древних славянах и по древней истории России обогатилась исключительным собранием различных письменных, археологических и других памятников, приемами научной критики источников, созданием новых вспомогательных дисциплин (палеография, геральдика, филология и т. д.).

Заслуга этого периода развития русской науки по славянским и византийским древностям заключалась в том, что поднимались роль и значение славянских народов в развитии народов Европы, в судьбе Восточноримской империи, в деле образования византийской культуры. Русские ученые изучением древностей российских поднимали и значение Русского государства в общеисторическом развитии.

Итоги этого изучения видели, по словам проф. Московского университета Х. А. Чеботарева, в том, что оно устанавливало принадлежность славян «к тому великому древу народов, от которого, как ветви, произошли германцы, римляне, греки».

Не приходится говорить, что в настоящее время большого размаха исследовательской работы по истории народов СССР советская наука не пройдет мимо этих достижений русских ученых по древней истории России, по изучению различных славянских народов и их культуры. Для развития марксистской исторической науки, для подлинно-научного изучения древней истории СССР, в особенности Великороссии, русскими учеными в прошлом собран большой материал, разработана техника его исследования, проделана колоссальная предварительная работа, которая ждет освещения ее светом марксистско-ленинской методологии.

Славян фашисты всячески принижают. Они выставляют их «неполноценной расой». Фашистский «фюрер» Гитлер заявил: «Не государственные дарования славянства дали силу и крепость Русскому государству. Всем этим Россия обязана германским элементам». Лучшим отпором этой клевете на великий русский народ и разоблачением этой исторической фальсификации фашистов должны стать разработка древней истории СССР и показ той большой исторической роли народов нашей страны, в том числе и славян, которая во многом уже установлена великими русскими учеными от Ломоносова до Соловьева и Ключевского.

Немало сделано русской наукой и в области археологии. На юге СССР

в глубокой древности находились античные колонии, города-государства, через которые античная цивилизация Греции и Рима влияла на отсталое туземное население Скифии. Ольвия, Херсонес, Танаис, Пантикапей,— вот те основные города-государства античности, которые в наследство историкам нашей страны оставили ряд интереснейших памятников. Русские ученые с конца XVIII и начала XIX в. обратили внимание на эти исторические памятники Причерноморья и приступили к археологическим раскопкам, открытию и собиранию памятников, их исследованию и публикации. Создается ряд археологических учреждений, обществ, а позднее и институтов, где концентрируется работа по исследованию античных колоний Причерноморья.

В условиях царской России археология представляла собою аристократическое занятие. Иметь досуг, доступ, средства для археологических экспедиций могли люди, главным образом, из привилегированных классов, преимущественно из дворянства, причем археологические экспедиции проводились нередко лицами, не имевшими какой-либо археологической подготовки (например градоначальник Керчи Стемпковский). «В начале XIX в. раскопки велись без системы,—говорит В. П. Бузескул,—на первом плане стояли не научные интересы, а погоня за золотыми вещами», которые отсылались тогда в Петербург (в Эрмитаж), а частично оставались в местных музеях.

В таких условиях передовым представителям русской исторической науки стоило большого труда создать из археологии самостоятельную дисциплину, способную дать материал для историка, и подняться над клатдоискусательством и крохоборчеством—к широким историческим выводам.

Поэтому, говоря о прошлом исторической науки, о виднейших представителях ее в XIX в., следует упомянуть и о тех русских ученых, которые создавали археологическую науку, систематизировали археологические памятники, литературу по археологии и включали археологические знания в общую историю России.

Сюда относятся М. П. Погодин, к которому за справками обращались такие археологи, как Уваров; современниками М. П. Погодина были немало способствовавшие развитию русской археологии И. Е. Забелин и Ф. И. Буслаев. Эти ученые и как историки и как археологи создали интерес к изучению вещественных памятников и дали направление в изучении древностей российских, на включение этого материала в общеисторическое построение. Хотя эти ученые и интересовались, главным образом (как, например, Буслаев), периодом более поздним, чем история античных колоний Причерноморья, но их работы никак не могут быть обойдены или не учтены в нашей дальнейшей работе, в настоящей марксистской разработке древнего периода истории СССР.

Что же касается самих археологических работ и публикаций по античным колониям Причерноморья в особенности, то тут выделились работы А. С. Уварова, Ашика, Бертье-Делагарда, Латышева, И. И. Толстого и, в особенности, Штерна и Фармаковского, которые хотя уже и выходят за рамки науки XIX в., но должны быть упомянуты, как создатели целой школы археологов, ныне работающих в деле развития советской археологии.

От археологии колоний Причерноморья, от изучения русских древностей археологическое знание углублялось в сторону изучения периодов палеолита и неолита в нашей стране. Пионером такого археологического обследования в царской России выступил выдающийся русский

ученый проф. В. А. Городцов, 50-летие научной деятельности которого недавно отмечали археологи Москвы и Ленинграда.

Таким образом, в итоге развития этой области исторического знания в XIX в. в русской науке создавалась археология, как самостоятельная дисциплина, от кладоискательства ступившая на научные рельсы развития и давшая ряд ученых, сумевших от крохоборчества и собирательства памятников подняться в рамках изучения русской и даже мировой истории до исторических выводов и обобщений.

К началу XX в. русская археология была уже известна мировой науке. На международных археологических конгрессах в Афинах (1905 г.) и Лондоне (1913 г.) мировая наука должна была отметить достижения нашей археологии постановкой серии докладов, освещавших культуру Северного Причерноморья «при помощи богатого и по большей части недавно открытого материала».

Русские ученые оставили нам большой материал не только по русским древностям и по археологии Причерноморья. Большой материал, исключительные по интересу исследования были опубликованы по классическому Востоку, по истории древней Греции и Рима.

В то время, как на Западе Шамполион, Гротенфенд и Раулинсон работали над расшифровкой иероглифов и клинописи, некоторые пытливые умы в России также обратили свой интерес в сторону истории древнего Востока и расшифровки его письменности (Г у л ь я н о в, К л а п р о т). Зарождавшаяся наука по древнему Востоку уже к семидесятым годам смогла дать некоторые работы в этой области (К о с с о в и ч, Г а р к а в и), хотя специальных разделов по изучению Востока, египтологии, ассириологии, арабистики еще не было, и это относится к более позднему времени. В отношении востоковедения Россия шла на поводу западно-европейской науки и все время должна была поспевать за теми научными открытиями, которые после Шамполиона и Раулинсона обогатили мировую науку по классическому Востоку.

Интенсивная работа русской науки создает ассириологию, работа в области которой в значительной степени связывается в XIX в. и в начале XX в. с именем проф. М. В. Никольского. Его публикации «Документов хозяйственной отчетности древнейшей эпохи Халдеи» с транскрипцией табличек, переводы и комментарии к ним значительно подняли в России науку ассириологии. Дальнейшие исследования и публикации работ по Востоку в XX в. (М а р р, О р б е л и, Ш и л е й к о) ставили востоковедение у нас на уровень мировой науки.

Что касается египтологии, то возникновение этой науки также относится ко второй половине XIX в. и связано с именами ученых В. С. Голенищева и Б. А. Тураева. Исключительно упорная работа по собиранию и публикации произведений древнеегипетской литературы, неутомимое исследование их, обогащение Эрмитажа уникальными памятниками древнего Востока создали В. С. Голенищеву славу выдающегося русского ученого. Работа по египтологии была продолжена в самостоятельном плане исследованиями акад. Б. А. Тураева, который уже позднее, в начале XX в., вместе со своими учениками—В. В. Струве, Франк-Каменецким, Волковым и др.—поднял египтологическую науку в нашей стране на уровень, при котором русская египтология стала известной далеко за пределами России.

Наряду с изучением так наз. классического Востока создавалась наука и о народах Восточной Азии. В этой области русская наука

в середине XIX в. дала ряд таких работ, которые выдвинули русских ученых в науке Запада. В области синологии очень много сделано Бичуриным и Васильевым, переводы трудов которых на европейские языки и до сего времени пользуются вниманием мировой науки.

Немало ученых выдвинула русская наука в XIX в. и по античной истории. Если в XVIII в. и в начале XIX в. работы по античной истории проходят, главным образом, в плане переводов греко-римских классиков, то к половине XIX в. издаются специальные исследования и по Греции и по Риму. Первым самостоятельным русским исследователем древнегреческой истории был М. С. Куторга. Этого русского ученого по праву можно назвать родоначальником у нас науки об эллинизме.

Он издал ряд интересных работ о классах и сословиях, о рабстве и его видах в Аттике, по хронологии и истории Афинской республики и создал целую школу специалистов, которые закрепляли дело создания в России науки по эллинизму (В а с и л ь е в с к и й и др.).

Другой вехой развития науки по древней Греции является работа Ф. Ф. Соколова и его школы. Ф. Ф. Соколов напечатал немного, но, может быть, это говорит как раз о том, что весь свой 40-летний труд по древней Греции он направлял, главным образом, на подготовку кадров своих учеников, ставших также видными учеными академиками. Именно школа Ф. Ф. Соколова, его влияние создали русскую науку по эпиграфике. Ернштедт, Латышев, Никитский, Жебелев, Новосадский и др. явились первыми русскими эпиграфистами, дали ряд интереснейших исследований и все почти вошли в состав Академии наук в качестве членов ее или корреспондентов.

Филологическая и эпиграфическая работа русских ученых была связана и с изучением папирусов (В. П. Бузескул, Шеффер, М. М. Хвостов), материал которых разрабатывался учеными и для исторических построений. Вместе с этим колоссально много было сделано по переводу греческих классиков, благодаря чему последние стали доступны весьма широкому кругу читателей. Особо неутомимой была работа Ф. Г. Мищенко, чьи переводы Геродота, Фукидида, Полибия, Страбона и критические статьи приобрели европейскую известность.

Менее солидно в русской науке XIX в. было поставлено изучение древнеримской истории. Филологическая работа здесь (по языку и литературе римлян), как ни странно, не так была поставлена на службу историческим исследованиям, как это было в отношении Греции. Однако к концу XIX в. в России была создана и наука по древнеримской истории. К числу видных русских ученых в этой области относятся В. И. Модестов, И. В. Помяловский и И. В. Цветаев. «Введение в римскую историю» В. И. Модестова (два тома и незаконченный третий), написанное по археологическим материалам, сразу же обратило на себя внимание за границей и было переведено. Труды И. В. Помяловского заложили в России основы науки римской эпиграфики. И. В. Цветаев работал по эпиграфике параллельно и с неменьшим успехом. Его издания осских, итальянских надписей и надписей внутрииталийских диалектов были включены в лучшие заграничные своды римских надписей. Следует особо отметить, что, несмотря на последующее развитие исследований по римской истории, вопросы социальной борьбы в Риме не получали освещения и почти совершенно не привлекали внимания старой русской буржуазной науки (ни у Драгоманова, ни у Кулаковского, ни у Нетушила, по нескольку десятилетий

работавших по римской истории). Отдельные работы по истории социальной борьбы в Риме печатались только позднее (например о Гракхах Фельсберга) уже в XX в., поэтому обзор их выходит за наши рамки.

Царская Россия была отсталой страной. Работа ученых протекала в крайне тяжелых условиях. Развитие исторической науки контролировалось царизмом и ставилось на службу монархии. Душилось всякое самостоятельное исследование, которое не встречало сочувствия официальных властей. Целый ряд наук в области истории долго не создавались. Командировки за границу, к хранилищам античных памятников, рукописей, научной литературы были очень затруднены, в особенности в эпоху Николая I. Все это, конечно, не могло не наложить своего следа на развитие исторической науки в России на протяжении XIX в.

Несмотря, однако, на это, благодаря самоотверженной работе ряда русских ученых, в России создавалась наука истории, возбуждался и разнообразился интерес к ней, создавались и оформлялись различные вспомогательные дисциплины (палеография, эпиграфика и т. д.), дифференцировалось историческое знание и появились и русская египтология, и русская ассириология, и русское антиковедение. Не приходится говорить, что в XIX в. наука древней истории находилась еще на уровне, довольно далеком, скажем, от уровня исторической мысли французских историков, которых так высоко ставил Маркс. Если европейская буржуазная наука в половине XIX в. уже консолидировалась, то у нас она только создавалась. Но путь развития, который прошла буржуазная историческая наука у нас, и особенно во второй половине XIX в., говорит о том, насколько интенсивна была работа русских ученых, насколько напряжена была работа исторической мысли в России этого периода. Именно это обстоятельство позволило русским ученым поднять за довольно короткий срок отечественную науку до уровня западноевропейской буржуазной истории. По словам покойного акад. В. П. Бузескула, «к концу прошлого столетия русская наука в области всеобщей истории достигает уровня западноевропейской, внося по некоторым ее отделам и свой крупный вклад».

Историческая мысль в России поднималась, и европейская наука не могла пройти мимо этого факта. Не только одно собирание материала, но обобщение его и философские выводы характеризовали сдвиг русской исторической мысли на передовые рельсы. В этой связи интересно отметить, что К. Маркс внимательно следил за русской литературой по общественным наукам, в частности за русской периодической печатью. Известно, что Маркс не пропустил ни одного номера «Вестника Европы», читал работы проф. Киевского университета Н. Зибера и особенно восхищался исследованиями Н. Чернышевского, которого автор «Капитала» в своем предисловии называл «великим русским ученым и критиком». Интерес к русской науке приводил Маркса и к прямому знакомству с русскими учеными. Например, Маркс хорошо знал М. М. Ковалевского, был знаком с ним, часто вел с ним дискуссии на научно-исторические темы.

Говоря о великих русских ученых XIX в. в области науки по древней истории, нам, естественно, приходилось указывать лишь на процесс образования научных дисциплин, формирования интереса и его закрепления этими новыми сложившимися дисциплинами, на кропотливое собирание материала по древностям русским и античным и на предварительную публикацию его для научного обихода. Что же касается исторической разработки материалов, притом не только по древней истории, на подлинно-

научной основе, то это относится уже к более позднему периоду, к самому концу XIX и началу XX в., и связано с применением марксистского метода, с первыми историческими работами Плеханова, Ленина и Сталина.

Развитие марксистского исторического исследования в настоящее время, получившее такой невиданный размах в стране, не может проходить без учета того, что в той или иной области истории сделано до сих пор. «Нужно взять всю культуру,—говорил Ленин,—которую капитализм оставил, и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем» (цит. из речи В. М. Молотова на совещании по высшей школе).

Подлинный патриот нашей советской родины гордится учеными, создававшими в прошлом русскую науку. Советский гражданин может и должен гордиться не только настоящими достижениями в социалистическом строительстве, но и славными именами ученых в прошлом русской науки.

Исследователь-марксист в своей работе, несомненно, учтет как все, накопленное русской наукой, так и те положительные достижения буржуазной науки Запада, которые он должен знать и обязан критически преодолевать. Об этом не раз писали классики марксизма-ленинизма.

Русской наукой и в области истории создано немало того, что может быть использовано в нашем строительстве марксистской исторической науки. Как в области литературы, искусства и музыки, так и здесь великий русский народ дает «обилие талантов, рожденных Россией в XIX веке» (М. Горький). Поэтому изучение прошлого русской науки и ее достижений, умелое использование их в марксистском исследовании—такова задача советского историка по древней истории.

«Ленин,—говорит товарищ В. М. Молотов,—указал путь, каким создать новое из старого, как использовать старый материал в интересах нового общества. Мы шли по этому пути, по пути ленинизма и вы видите: социализм победил» (из речи на совещании по высшей школе).

Испытанное оружие, учение Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина дает в руки советских историков все средства для умелого использования старого в строительстве нового, для создания великой исторической науки в нашей стране.

